

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 10

2020 год

ISSN 2587-6023

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

МАКЕЕВКА

2020 год

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: 2587-6023

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Университет экономики и торговли им.Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2020. – № 10.

ISSN 2587-6023

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА
«ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Конституционное право, конституционный
судебный процесс, муниципальное право»**

Стр. 5 Калинина Е.С., Фомина С.Е.

К вопросу о правовой природе права на свободу мирных собраний

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 12 Голомах Р.В.

Определение понятия международной правовой помощи по гражданским делам

Раздел «Трудовое право, право социального обеспечения»

Стр. 17 Мартынова А.Д.

Юридические особенности организации дистанционного труда

Раздел «Гражданский процесс, арбитражный процесс»

Стр. 23 Похилько Е.Д.

Проблемы определения задач и целей гражданского судопроизводства

Раздел «Административное право, административный процесс»

Стр. 30 Филь Е.О.

Особенности привлечения к административной ответственности в Донецкой Народной Республике

УДК 342.729

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ
ПРАВА НА СВОБОДУ МИРНЫХ СОБРАНИЙ**

Калинина Екатерина Сергеевна,
Фомина Светлана Евгеньевна,
Сибирский федеральный
университет, г. Красноярск

E-mail: fomina.lawyer@gmail.com

Аннотация. Право на свободу мирных собраний составляет краеугольный камень любого свободного и демократического общества. Однако в практике многих государств до сих пор неоднозначно решается вопрос о носителях такого права: должно ли такое право гарантироваться только гражданам определенного государства или же право на свободу мирных собраний является одним из фундаментальных прав человека, которое должно быть гарантировано каждому человеку. Ответ на данный вопрос заключается в определении правовой природы права на свободу мирных собраний. В данной статье авторами были проанализированы различные точки зрения относительно природы данного права, а также основные международно-правовые стандарты и практика государств.

Abstract. The right to peaceful assemble is the cornerstone of any free and democratic society. However, many states still ambiguous the question of the bearers of such a right. The question is whether this right be guaranteed only to citizens of a particular state, or as a fundamental human right should be guaranteed to everyone. The answer to this question is to determine the legal nature of the right to peaceful assemble. In this paper work the authors analyzed various points of view regarding the nature of this right, as well as the main international legal standards and state practice.

Ключевые слова: право на свободу мирных собраний, демократия, свобода выражения мнения, права человека.

Key words: the right to peaceful assemble, democratic society, the freedom of expression, human rights.

Ст. 31 Конституции Российской Федерации устанавливает, что граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1]. Данное положение развивается в статье 5 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», где закрепляется, что организатором публичного мероприятия могут быть один или несколько граждан РФ [2]. Таким образом, только граждане России могут организовывать какие-либо публичные мероприятия, в то время как иностранные граждане и лица без гражданства таким правом не наделены.

Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) не раз отмечал политические и публично-правовые начала, заложенные в природе

права на свободу мирных собраний. КС РФ также закрепляет позицию о том, что это право обеспечивает гражданам реальную возможность отстаивать свою позицию и заявлять требования по значимым, с их точки зрения, общественно-политическим вопросам, чем оказывать влияние на деятельность органов государственной и муниципальной власти [3]. Таким образом, КС РФ рассматривает право на свободу мирных собраний исключительно в качестве политического, и, соответственно, принадлежащего только гражданам РФ.

В российской науке конституционного права свободу мирных собраний также определяют в качестве субъективного политического права и обозначают ее как важный элемент правового статуса гражданина Российской Федерации [4]. Многими авторами отмечается, что право на свободу собраний – политическое право, поскольку оно является элементом народовластия и формой участия граждан в управлении государством. А.А. Кондрашев считает, что «свобода собраний относится к наиболее значимым политическим правам, так как способствует свободному формированию общественного мнения, этого своего рода фундамента любой демократии, и дает гражданам возможность быть услышанными властью» [5]. В целом утверждается, что благодаря свободе мирных собраний граждане получают реальную возможность участия в управлении делами государства, а также что при помощи этого конституционного права граждане могут формировать политическую волю.

Однако думается, такой подход является ограничительным и не учитывает истинную природу права на свободу собраний. Многие российские и немецкие конституционалисты приходят к общему выводу о том, что конституционная свобода мирных собраний имеет двойственную правовую природу: с одной стороны, выступает способом реализации свободы мысли и слова, свободы выражения мнения, а также достоинства личности и права на свободное развитие; с другой – представляет собой элемент непосредственной демократии (народовластия), благодаря которому у граждан есть дополнительная возможность по управлению делами государства и решению вопросов местного значения [6; 7; 8; 9]. В.О. Матвеев также писал о том, что право публичных собраний вместе с правом петиций, свободой печати, свободой союзов находится как бы на грани, отделяющей права личные от прав политических. Все эти права по своей природе имеют двойственный характер [10].

Свобода мнений и их свободное выражение необходимы для любого общества, и они составляют краеугольный камень любого свободного и демократического общества. С.А. Авакьян указывает, что по ст. 31 Конституции Российской Федерации право на манифестации закреплено за гражданами Российской Федерации, но на самом деле можно, конечно, говорить и об осуществлении данного права также иностранцами. Кроме того, он отмечает, что нельзя ограничивать иностранцев в проведении митингов, демонстраций и пикетирования как акций протеста, если они направлены не против конституционного строя России, а против дискриминационных мер по отношению к иностранцам, либо в защиту их прав [6]. Аналогичной точки зрения придерживается К. Экштайн, который считает, что свободу собраний следует понимать в качестве права человека, которое принадлежит и иностранцам [7].

Право собраний имеет двоякое применение – в частных интересах и в общих. С одной стороны, граждане могут собираться для обсуждения частных дел, не имеющих никакого отношения к политике, и к таким обсуждениям власть будет безразлична. И в этом смысле право собраний является естественным, личным правом каждого. С другой стороны, граждане могут собираться для обсуждения политических вопросов. И в этом понимании право собраний является политическим и должно принадлежать только гражданам государства.

Анализируя право на свободу собраний в международно-правовом аспекте, стоит отметить, что право каждого человека на свободу мирных собраний провозглашено в ст. 20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., [11] а также закреплено в ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [12]. Ни Всеобщая декларация прав человека, ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод не связывают принадлежность права собираться мирно с гражданством государства, они закрепляют данные права за каждым. Пункт 45 Руководящих принципов по свободе мирных собраний БДИПЧ ОБСЕ закрепили, что каждый в равной степени имеет право на свободу мирных собраний [13].

Венецианская Комиссия не раз отмечала, что свобода мирных собраний является одним из основных прав человека, которое могут осуществлять отдельные лица и группы, незарегистрированные ассоциации и юридические лица. Таким образом, свобода мирных собраний должна быть предоставлена всем в равной степени, включая лиц без гражданства, беженцев, иностранных граждан, просителей убежища и мигрантов. Так, например, в деле *Bączkowski and Others v. Poland* было установлено, что государство не должно было создавать право на собрания; его обязанность ограничивалась обеспечением того, чтобы собрания проводились мирно [14]. В качестве основного и основополагающего права свобода собраний должна осуществляться без какого-либо регулирования, насколько это возможно. Поэтому все, что прямо не запрещено законом, должно считаться допустимым. Презумпция в пользу свободы должна быть четко и недвусмысленно закреплена в законе [15].

Европейский суд неоднократно отмечал, что свобода мирных собраний является естественным продолжением свободы выражения мнения, одним из ее главных средств. Согласно статье 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) «каждый», находящийся под юрисдикцией договаривающейся стороны, пользуется правами и свободами, перечисленными в Конвенции [16]. Это означает, что, по крайней мере, теоретически, права и свободы, признанные Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), универсально доступны всем лицам. Ст. 11 закрепляет право каждого человека на мирные собрания. В деле *Cisse v France* ЕСПЧ не разделил позицию Франции о том, что статус незаконного иммигранта был достаточен для того, чтобы обосновать нарушение права заявительницы на свободу объединений и собраний [17]. Таким образом, незаконные иммигранты не лишаются прав, предусмотренных Статьей 11, хотя в подобных случаях государство пользуется широкой свободой действий по своему усмотрению. В то же время статья 16

ЕКПЧ предусматривает возможность для государств – участников вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев. Однако такая статья давно является объектом критики, как в научном сообществе, так и среди практиков.

Подготовительные материалы к ЕКПЧ отражают, что статья 16 была включена в Конвенцию для отражения доказательств обычного международного права, свидетельствующих о том, что на момент принятия Конвенции государства могли свободно ограничивать политическую деятельность иностранцев [18]. Однако эти ограничения не должны нарушать общих принципов права, признанных цивилизованными нациями [19; 20; 21]. Европейская Комиссия по правам человека в докладе, опубликованном в 1994 году, назвала статью 16 анахронизмом [22]. С тех пор это положение подвергалось критике за противоречие статье 1 ЕКПЧ и за применение к потенциально широким положениям, таким как статья 14, запрещающая дискриминацию [23]. Парламентская ассамблея Совета Европы даже предложила исключение 16 статьи в 1977 году.

В научном сообществе существует точка зрения, что статью 16 следует применять исключительно в тех случаях, когда выступления неграждан непосредственно подрывают национальную безопасность. Нет никаких причин для запрещения негражданам принимать участие в собрании, которое, к примеру, организовано в знак протеста условий труда.

Сказанное выше находит свое отражение в иных правовых системах. Например, Германская конституционно-правовая доктрина предлагает более детальную характеристику свободы мирных собраний. Так, государственное (конституционное) право Германии относит свободу собраний к числу так называемых фундаментальных коммуникационных прав и свобод человека (*Kommunikationsgrundrechte*) [24]. Право граждан на уличные шествия и демонстрации закреплено в Конституции Германии. И хотя статья 8 и закрепляет, что все немцы имеют право принимать участие в мирных демонстрациях и собраниях, практически таким же правом пользуются проживающие в ФРГ иностранцы, в отношении которых применяется оговорка, что политическая деятельность иностранных граждан не должна противоречить международному праву, Конституции ФРГ или угрожать свободному демократическому обществу. Правовое регулирование уличных демонстраций и митингов в Германии также обеспечивается специальным Федеральным Законом «О собраниях и шествиях» 1953 года в редакции 1978 года §1 закона гласит, что каждый имеет право проводить публичные собрания и демонстрации и шествия и принимать в них участие.

Схожие положения закреплены в Конституциях других стран. Так статья 57 Конституции Польши, хотя и включена в раздел «политические права и свободы», устанавливает правило о том, что каждому обеспечивается свобода организации мирных собраний и участия в них [25]. Статья 34 Конституции Турции закрепляет, что каждый имеет право собираться мирно и без оружия, а также участвовать в демонстрациях без предварительного разрешения [26]. В государствах-членах Европейского союза законодательство часто допускает

широкое участие неграждан, например, на различных уровнях местного самоуправления, по крайней мере, тех, кто является гражданами государства Европейского союза. Хартия основных прав Европейского союза наделяет «каждого гражданина союза» правом голосовать и быть кандидатом на муниципальных выборах в той мере, в какой он является резидентом «на тех же условиях, что и граждане этого государства», несмотря даже на то, что такие права, бесспорно, являются политическими. Граждане Европейского союза не рассматриваются в качестве иностранцев в сфере применения законодательства Союза из-за запрещения любой дискриминации по признаку гражданства в Европейской Хартии основных прав.

Традиционно право на свободу мирных собраний понималось как право политическое, которое может быть гарантировано только гражданам определенного государства. В свою очередь обращение с иностранцами регулировалось в частности «международными минимальными стандартами», которые содержатся в обычном международном праве, и стандартами «национального режима» [27; 28]. Однако в последнее время этот подход стал соотноситься с новым и более высоким набором международных стандартов, которые можно найти в праве прав человека [29; 30]. Таким образом, все люди стали субъектами современного международного права в той мере, в какой договоры по правам человека предоставляют отдельным лицам права, которые они могут осуществлять непосредственно в международном органе, без привязки к национальности [31]. Тем не менее, традиционные подходы к обращению с иностранцами остаются применимыми в странах, которые не являются участниками основных договоров по правам человека или сделали важные оговорки к ним.

Подводя итог, свобода мирных собраний способствует диалогу внутри гражданского общества, а также между гражданским обществом, политическими лидерами и правительством. Свобода собраний как таковая имеет основополагающее значение для развития личности, достоинства и самореализации каждого человека, а также для прогресса и благосостояния общества. Авторы приходят к выводу, что право на свободу мирных собраний, хотя и обладает двойственной правовой природой, однако в соответствии с общепризнанными международными стандартами и практикой государств оно является правом, которое должно принадлежать каждому человеку, без проведения различия на основе гражданства. Допускается ограничение этого права только тогда, когда оно используется для достижения политических целей и осуществления политической деятельности. Так, к политической деятельности могут относиться различные аспекты избирательного процесса, включая право баллотироваться и голосовать, и в этом ключе такое право должно быть закреплено за гражданами соответствующего государства [32]. Основным критерий разграничения – это цель проведения публичного мероприятия, поэтому если целью собрания является, например, защита прав трудовых мигрантов, то такое право должно быть гарантировано каждому.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;
2. Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. N 33-П «Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой».
4. Конституция РФ: научно-практический комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина. – 3-е изд. – М., 2003. – С. 277.
5. Кондрашев А.А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 6. – С. 3.
6. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. – СПб., 2003. – С. 172.
7. Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции. – М., 2004. – С. 201.
8. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М., 2013. – С. 291.
9. Pieroth B. Das Demokratieprinzip des Grundgesetzes // Juristische Schulung (JuS). 2010. Heft 6. S. 473.
10. Матвеев В.О. Право публичных собраний. – СПб., 1909.
11. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
12. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
13. Руководящие принципы по свободе мирных собраний, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.osce.org/odihr
14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 мая 2007 *Bączkowski and Others v. Poland* (2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int>

15. Venice Commission guidelines on freedom of peaceful assembly (2nd edition), Adopted by the Venice Commission at its 83rd Plenary Session (Venice, 4 June 2010), p.13.

16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 5) (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (ред. от 13.05.2004, с изм. от 02.10.2013) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2002 г. Дело «Сисс против Франции» (жалоба N 51346/99) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int>

18. Collected edition of the “Travaux préparatoires” of the European Convention on Human Rights, Vol. III (1976), 266.

19. Preliminary draft of the Report to the Committee of Ministers, 24 February 1950, Doc. CM/WP 1 (50) 1, A 847, III TP 246-79, at p. 266.

20. Report to the Committee of Ministers submitted by the Committee of Experts Instructed to Draw Up a Draft Convention of Collective Guarantee of Human Rights and Fundamental Freedoms, Doc. CM/WP 1 (5) 15, A 924, IV TP 2-55, at p. 28.

21. Appendix to the Report of the Committee of Experts on Human Rights: Draft Convention of Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 16 March 1950, Doc. C/WP 1 (50) 15 appendix, CM/WP 1 (50) 14 revised, A 925, IV TP 50-79, at p. 54.

22. *Piermont v. France*, nos 15773/89 and 15774/89, § 58, Commission report of 20 January, 1994.

23. Wallace R. Companion to the European Convention on Human Rights. – Vol. I (1999), at 4.

24. Саленко А.В. Конституционно-правовое значение свободы мирных собраний: доктринальные и судебные подходы в России и Германии // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

25. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>

26. Конституция Республики Турция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://global.tbmm.gov.tr/docs/constitution_en.pdf

27. Goodwin-Gill G. International law and the movement of persons between states (1978), 58-63.

28. Hathaway J. The rights of refugees under international law (2005), 75-83 and 147-153.

29. Brownlie I. Principles of public international law (1998), 526-531.

30. Cholewinski R. Migrant workers in international human rights law (1997), 40-47.

31. Higgins R. The European Convention on Human Rights, in Human rights in international law (Theodor Meron, ed., 1984), 495-549, at 537.

32. William A. Schabas, The European Convention on Human Rights: A Commentary, Oxford Commentaries on International Law, Sep 2015, p. 609.

33. Das Demokratieprinzip des Grundgesetzes // Juristische (JA). 2017. Heft 11. S. 809.

УДК 341.9

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

Голомах Римма Викторовна,
Донбасская аграрная академия г. Макеевка

E-mail: qolomach@rambler.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие международной правовой помощи относительно таких правовых наук как: гражданское процессуальное право, уголовно – процессуальное право, международное частное право. Отмечается, что международная правовая помощь в гражданском процессе выступает в качестве правового института, основанного на международных и национальных нормах права, регулирующих взаимодействие органов юстиции в различных государствах по вопросам разрешения гражданских дел. Вследствие указанного осуществляется восстановление нарушенных законных прав и интересов, а также повышается эффективность деятельности органов правосудия не только в нашем государстве, но и в зарубежных странах.

Abstract. This article discusses the concept of international legal assistance in relation to such legal sciences as civil procedure law, criminal procedure law, private international law. It is noted that international legal assistance in civil proceedings acts as a legal institution based on international and national norms of law, regulating the interaction of judicial authorities on the resolution of civil cases in different states. As a result, the violated legal rights and interests are being restored, as well as the effectiveness of the judicial authorities is being improved not only in our country, but in foreign countries too.

Ключевые слова: Международная правовая помощь, гражданский процесс, органы юстиции, сотрудничество, право.

Key words: International legal assistance, civil procedure, judicial authorities, cooperation, law.

Когда рассматриваются и разрешаются дела в гражданском процессе при участии иностранного лица, совершаются отдельные процессуальные действия на территории иностранного государства, в которые входит: допрос свидетелей, проведение различных экспертиз, судебные повестки и другие действия, встает вопрос о том, что суд, имея властные полномочия в пределах своей страны, не имеет возможности осуществлять такие действия на территории иностранного государства. В данном случае начинает функционировать принцип государственного суверенитета. Таким образом, для разрешения указанных вопросов необходима правовая помощь органов юстиции зарубежного государства. Стоит отметить, что необходимость в правовой помощи возникает не только на стадии рассмотрения гражданского дела, но и в признании и приведении в исполнение вынесенного судебного решения.

В связи с этим, международная правовая помощь выступает в качестве условия осуществления правосудия в гражданском процессе. По данному вопросу литература справедливо отмечает уровень реализации предоставления правовой помощи, который учитывается при критериях эффективности судебного процесса. Качественное предоставление правовой помощи влияет на обеспечение судами прав и законных интересов лиц, принимающих участие в гражданском судопроизводстве.

Вопросы международной правовой помощи по гражданским делам часто являются предметом исследований и обсуждений многих отечественных и зарубежных учёных и практиков. Теоретические основы темы правовой помощи раскрыты в работах Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачева [1], Т.В. Лукашенко [2], В.И. Кузнецова, Б.Р. Тузмухамедова [3], И.В. Гетьман-Павловой, Е.В. Постниковой [4], Щукина А.И. [5] и др. Среди наиболее значимых публикаций, посвящённых международной правовой помощи по гражданским делам, можно выделить работы Григорьевой О.Г., в которых раскрыты различные грани данного вопроса [6 и др.].

Международная правовая помощь выступает в качестве одного из важных элементов сотрудничества между государствами по вопросам защиты прав и законных интересов граждан, так, возникает единое правовое пространство. В связи, с чем возникает цель в определении и рассмотрении понятия «международной правовой помощи» по гражданским делам.

По мнению Р.А. Каламкарян, международная правовая помощь – это элемент правового сотрудничества государства с иностранными государствами [1, с. 53]. Такой правовой элемент служит защите прав и законных интересов граждан государства и самих государств. В связи с чем, важно более детально рассмотреть вопрос определения понятия «международная правовая помощь» в гражданском процессе.

Впервые определение понятия «международная правовая помощь» возникло в 1957 году, когда СССР стал заключать двусторонние соглашения о предоставлении правовой помощи со многими социалистическими и капиталистическими странами. До этого момента термин «международная правовая помощь» в юридической литературе не прослеживался. Стоит сказать, что как в период СССР, так и настоящее время законодательство не предусматривает определение международной правовой помощи по гражданским делам. Так, многие ученые юристы неоднократно пытались поднимать и всячески исследовать этот вопрос (табл. 1).

Т.В. Лукашенко под понятием «международной правовой помощи» касательно гражданских дел отмечает более узкое определение: деятельность, оказывающая содействие в осуществлении правосудия судам, рассматривающие споры в сфере предпринимательской деятельности [2, с. 30].

Л.А. Лазутин под правовой помощью выделяет систему правовых и других средств, которые отражены в международных соглашениях, а также внутренних законодательствах стран, при помощи которых урегулируются правоотношения в сфере правовой помощи интересов физических или юридических лиц [7, с. 85].

Таблица 1

Определение понятия «международной правовой помощи» по гражданским делам

№ п/п	Автор, источник	Международная правовая помощь по гражданским делам	Примечания
1	2	3	4
1	В. И. Кузнецов [3, с. 37].	Деятельность по вопросам оказания и содействия в правовой помощи судам при разрешении дел в сфере предпринимательства.	Узкое определение понятия «международной правовой помощи»
2	О. Г. Григорьева [6, с. 211].	Совокупность определенных действий компетентных на то национальных органов, а также их должностных лиц одной страны по вопросам оказания правовой помощи в гражданском процессе и внесудебных юридических действиях органам и их должностным лицам другой страны в соответствии с международными и внутригосударственными юридическими нормами	Наиболее полное и по существу
3	И. В. Гетьман – Павлова [4, с. 70].	Коллизионные нормы семейного, наследственного права, нормы с «иностранным элементом», споры имущественного и неимущественного характера.	Широкое определение. Но такие нормы имеют различные предметы правового регулирования, а также относятся к самостоятельным институтам права
4	Т.В. Лукашенко [2, с.30].	Деятельность, связанная с оказанием содействия в осуществлении правосудия судам, разрешающим споры, связанные с предпринимательской деятельностью.	Узкое определение понятия «международной правовой помощи»
5	Л.А. Лазутин [7, с.85].	Система правовых и других средств, которые отражены в международных соглашениях, а также внутренних законодательствах стран, при помощи которых урегулируются правоотношения в сфере правовой помощи интересов физических или юридических лиц.	Широкое определение понятия
6	Автор статьи	Правовой институт, который основывается на нормах международного и национального права и регулирует взаимодействия органов юстиции различных стран по вопросам процессуальных и иного рода юридически значимых действий. Такие действия должны применяться с целью своевременного разрешения дел гражданского судопроизводства с целью защиты нарушенных прав и интересов.	Учтены все важные аспекты

Как считает О.Г. Григорьева, международная правовая помощь по гражданским делам – это совокупность определенных действий компетентных на то национальных органов, а также их должностных лиц одной страны по вопросам оказания правовой помощи в гражданском процессе и внесудебных юридических действиях органам и их должностным лицам другой страны в соответствии с международными и внутригосударственными юридическими нормами [6, с. 211]. При анализе определения понятия «международная правовая помощь» автором осуществляется разграничение помощи на помощь в судебном процессе и помощь по внесудебным юридическим вопросам. Стоит отметить, что в целом, с позицией автора стоит согласиться.

Некоторые авторы придерживаются такого мнения, что международная правовая помощь вне судебного процесса не может существовать.

В.И. Кузнецов отмечает, что «международная правовая помощь» – это деятельность по вопросам оказания и содействия в правовой помощи судам при разрешении дел в сфере предпринимательства. В данном случае автор дает более узкое определение понятия «международной правовой помощи» [3, с. 37].

Более широкое определение понятия «международной правовой помощи» по гражданским делам выделяет И.В. Гетьман – Павлова, которая относит к вопросам коллизионные нормы семейного, наследственного права, нормы с «иностранным элементом», споры имущественного и неимущественного характера. Выражаю мнение, что с такой позицией не стоит соглашаться, так как такие нормы имеют различные предметы правового регулирования, а также относятся к самостоятельным институтам права [4, с. 70].

Отметим, что для того, чтобы определить данное понятие, необходимо рассмотреть вопрос характера общественных отношений, которые возникают при оказании международной правовой помощи. Также не стоит забывать, что общественные отношения между судом и участниками судебного процесса при любых условиях относятся к процессуально-правовым отношениям.

Стоит также учитывать то, что правовая помощь, в соответствии с мнениями некоторых авторов, считается частью международных отношений, которые регулируются нормами международного права и играют важную роль во всех органах государств.

При осуществлении международной правовой помощи в гражданском процессе возникают различные общественно-правовые отношения, которые регулируются международными и национальными нормами права. В связи с этим, мы можем говорить о комплексном характере указанного института нашего государства.

Таким образом, международная правовая помощь по гражданским делам – это некий правовой институт, который основывается на нормах международного и национального права и регулирует взаимодействия органов юстиции различных стран по вопросам процессуальных и иного рода юридически значимых действий. Такие действия должны применяться с целью своевременного разрешения дел гражданского судопроизводства с целью защиты нарушенных прав и интересов.

Список использованной литературы:

1. Каламкарян Р.А. Международное право: учебник для бакалавров / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. – 5-е изд., пер. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 632 с.
2. Лукашенкова Т.В. Оказание арбитражными судами международной правовой помощи / Т. В. Лукашенкова. – М.: Юрист, 2006. – 30 с.
3. Кузнецов В.И. Международное право: учебник / В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. – М.: Издательство НОРМА, 2007. – 939 с.
4. Гетьман-Павлова И.В. Международное право: учебник для академического бакалавриата / И. В. Гетьман-Павлова, Е. В. Постникова. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 560 с.
5. Щукин А.И. О некоторых подходах к понятию «международная правовая помощь» по гражданским делам / А.И. Щукин // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 1. – С. 61-69 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2017/01/2017-01-06.pdf> (дата доступа: 03.09.2020)
6. Григорьева О.Г. Международная правовая помощь по гражданским делам в советском праве: историко-правовое исследование: монография / О.Г. Григорьева. – Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2013. – 335 с.
7. Лазутин Л.А. К вопросу о понятии правовой помощи по уголовным делам / Л.А. Лазутин // Российский юридический журнал: Изд-во УрГЮА, 2007, № 4. – С. 80-86 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article2041670.html> (дата доступа: 03.09.2020)

УДК 349.2

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА**

*Мартынова Анастасия Дмитриевна,
Донбасская юридическая академия, г. Донецк*

E-mail: anasamartynova@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена юридическим особенностям организации дистанционного труда. Произведён обзор научной и учебной литературы, посвящённой вопросу дистанционного труда. Сделаны соответствующие выводы о позициях авторов относительно понятия данной формы трудовых отношений. Проанализировано нормативно-правовое регулирование организации дистанционного труда с точки зрения правовой действительности Российской Федерации и Донецкой Народной Республики.*

Abstract. *The article is devoted to the legal features of the remote work's organization. A review of scientific and educational literature devoted to the issue of remote work is made. The corresponding conclusions are made about the positions of the authors regarding the concept of this form of labor relations. The article analyzes the legal regulation of the remote work's organization from the legal reality's point of view of the Russian Federation and the Donetsk People's Republic.*

Ключевые слова: *трудовые отношения, трудовое право, удаленная работа, дистанционная занятость, фриланс, COVID-19.*

Key words: *labor relations, labor law, remote work, remote employment, freelance, COVID-19.*

Актуальность исследования. Развитие технологий, появление новых видов деятельности, а также процессы глобализации сегодня оказывают большое влияние на трудовые отношения. Дистанционная или удалённая занятость сегодня становится одной из форм выполнения условий трудового договора между работодателем и работником.

Постановка проблемы. Удалённая работа упрощает выполнение трудового контракта, а также несёт ряд других преимуществ каждой из сторон трудовых отношений, однако вместе с этим данная форма деятельности сопровождается несовершенным нормативно-правовым регулированием во многих странах.

Цель исследования заключается в изучении современного научного представления о дистанционном труде как форме осуществления должностных обязанностей, определении основных проблем удалённой работы и поиске путей их преодоления.

Методы научного исследования. В процессе работы были использованы сравнительно-правовой; диалектический, формально-логический, формально-юридический методы исследования, метод синтеза, анализа информации.

Результаты и ключевые выводы исследования. В результате проведенной работы автором изучены и проанализированы юридические проблемы обеспечения дистанционного труда.

Обзор научной и учебной литературы, посвящённой вопросу изучения дистанционного труда позволяет говорить о несформировавшейся на сегодняшний день позиции авторов относительно понятия данной формы трудовых отношений. Ранее вопросом изучения дистанционного труда занимались И.М. Алиев, [1] Б.М. Генкин, [2] М.В. Луданик, [3] О.В. Мартынова [4] В.Б. Орлов, [5] и другие исследователи. Анализируя работы авторов, следует отметить, что часть из них полагает, что дистанционная работа является специфическим методом выполнения должностных обязанностей, другие придерживаются позиции, что под удалённой работой следует понимать устанавливаемое трудовым договором условие выполнения работы, которое изменяется исключительно путём заключения дополнительного соглашения.

Известно, что разработчиком основной концепции удалённого труда в 1976 году стал бывший инженер NASA Джек Ниллес (Jack Nilles). Основная мысль заключалась в извлечении взаимных преимуществ сторонами правоотношений: работник освобождается от обязанности выполнять работу в офисе, в то время как работодатель может сократить расходы по аренде помещений своего предприятия.

В одной из работ О.А. Парягина пишет, что «удаленная работа, или работа в удаленном режиме может быть определена как работа, выполняемая с помощью информационно-коммуникационных технологий (с использованием смартфонов, планшетов, ноутбуков и настольных компьютеров) вне помещений работодателя» [6]. Данной формулировкой автор акцентирует внимание, что при выполнении должностных обязанностей при удаленном труде, работник находится вне предприятия. При этом важно отметить, что автор не уточняет, что именно является рабочим местом удаленного работника.

Анализируя иные позиции исследователей, стоит обратиться к работе Ф.Д. Конобевцева. Автором уточняется сущность удалённой работы. Освобождая работника от обязанности выполнять поставленные задачи из места работы, оговоренного трудовым договором, происходит т.н. «модернизация организации труда, направленная на повышение производительности и конкурентоспособности предприятий, при одновременном достижении необходимого баланса между требованиями к гибкости бизнеса и ожиданиями работников в отношении безопасности, повышение качества рабочих мест и содействия доступа особо уязвимых групп работников (например, работников, имеющих семейные обязанности, работников с инвалидностью и тому подобное) до формального рынка труда» [7].

В связи со вспышкой COVID-19, существенно увеличились ресурсы для внедрения дистанционной работы как организационного мероприятия физического дистанцирования, что является ключевым условием прекращения распространения инфекции. Вместе с тем, важно признать, что одновременно с возможностями, которые она создает, удаленная работа также может ставить перед работниками и работодателями серьезные вызовы, которые необходимо

должным образом решать путем структурирования, формулирования и внедрения законодательства и политики.

Основными применимыми международными и европейскими документами, конкретно касающихся дистанционной работы, является Конвенция МОТ о надомном труде 1996 г. (№ 177) [8]. Согласно её содержанию, дистанционный труд определяется как работа, которую лицо (надомный работник) выполняет по месту ее жительства или в других по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя, за вознаграждение, с целью производства товаров или услуг согласно указаниям работодателя, независимо от того, кто предоставляет оборудование, материалы или другие используемые ресурсы (Ст. 1). Конвенция не распространяется на независимых или подчиненных работников, которые лишь периодически выполняют работу на дому, а не на обычных рабочих местах.

Также основу международно-правового регулирования дистанционного труда составляет Рекомендация МОТ относительно надомного труда 1996 г. (№ 184), а также Рамочное соглашение о дистанционной работе, заключенное 16 июля 2002 года европейскими межотраслевыми социальными партнерами (UNICE/UAPME и др.) [9].

Рекомендация также предусматривает, что работодатели должны (п. 7):

- нести обязательства по уведомлению компетентного органа, если они предоставляют работу надомникам впервые;
- вести учет всех надомников, которым они предоставляют работу, с разбивкой по полу;
- вести регистрационные листы рабочих заданий, порученных надомнику, с указанием: времени, отведенного для выполнения заданий; тарифных ставок оплаты труда; расходов, возникших у надомника (если таковые имеются) и размера выплаченной в связи с этим компенсации; каких-либо удержаний из заработной платы, проведенных в соответствии с национальным законодательством; причитающейся заработной платы и выплаченной заработной платы с вычетом удержаний вместе с датой произведенной выплаты.

Кроме того, учитывая, что удаленная работа – это не только определенный тип трудовых отношений, кроме Рекомендации МОТ № 198 (которая конкретно касается трудовых отношений), к механизмам введения дистанционной работы также применяется вся совокупность других международных стандартов по труду, применимых к различным аспектам трудовых отношений (например, в отношении рабочего времени, ночной работы, неполной занятости, обязательств работодателя об информировании работников и обеспечении прозрачных и предполагаемых условий труда, инспекции труда, и т.д.).

Далее целесообразно проанализировать нормативно-правовое регулирование организации дистанционного труда с точки зрения правовой действительности Российской Федерации и Донецкой Народной Республики. Сложившаяся ситуация вокруг распространения новой коронавирусной инфекции способствовала как популяризации надомного труда, так и разработке и принятию поправок в действующее законодательство о труде.

Так, в Трудовой кодекс Российской Федерации добавлена Глава 49.1., которая регламентирует условия дистанционного труда, а именно оговорены

основные понятия, особенности заключения и изменения условий трудового договора о дистанционной работе, организации и охраны труда дистанционных работников, режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника и прекращения трудового договора о дистанционной работе [10].

Согласно законодательному определению, дистанционным трудом следует считать «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения». При этом дистанционный работник взаимодействует посредством телефонной связи и сети «Интернет».

Исходя из законодательного определения, дистанционную работу характеризуют два признака:

- это работа вне производственных или административных помещений, офиса, обособленных структурных подразделений (филиалов, представительств, департаментов, цехов, отделов), стационарных рабочих мест, вне территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. Таким образом, отсутствие контроля работодателя в отношении места выполнения трудовой функции является основополагающим критерием для отнесения сотрудника к категории дистанционных работников;

- работа предполагает использование информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования для выполнения работником своей трудовой функции и связи с работодателем. Этот признак свидетельствует об ограниченной возможности использования такой нетипичной формы занятости, как дистанционный труд, поскольку им могут заниматься только работники интеллектуальной сферы деятельности, которым для выполнения их трудовой функции, связанной с использованием, обработкой, передачей информации, необходимы электронное оборудование и средства программного обеспечения.

Данный признак можно считать второстепенным, поскольку использование сетей общего пользования характерно для многих видов работ, выполняемых в офисе работодателя.

Как справедливо отмечает Воробьев В.В., с дистанционным работником, в отличие от надомника, трудовой договор может быть оформлен не только в бумажном виде, но и в электронной форме [11].

Выделяя юридические особенности организации дистанционного труда, стоит отметить, что, согласно нововведениям, для расторжения трудового контракта с дистанционным работником допускается электронный вид такой операции, однако при этом необходимо направить бумажный вариант почтовым отправлением.

Так как в случае с надомной работой режим работы определяется работником самостоятельно, а для дистанционной работы может быть специально оговорен в трудовом договоре, сверхурочная работа, выполненная дистанционным работником, может быть оплачена, тогда как в аналогичном случае с надомником такая работа оплате не подлежит.

В соответствии со ст. 312.4 ТК РФ дистанционный работник имеет право определять режим своего рабочего времени самостоятельно. При этом работодатель обязан вести учет времени, фактически отработанного каждым

работником, включая продолжительность сверхурочной работы (ч. 4 ст. 191, ч. 7 ст. 199 ТК РФ).

В трудовом договоре с дистанционным работником целесообразно закрепить режим его работы (например, пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями, рабочие часы, время, когда работник должен в обязательном порядке осуществлять контакт с работодателем, сроки сдачи конкретных заданий и пр.)

При должном подходе со стороны работодателя дистанционному работнику становится невозможно приписать себе фактически неотработанные часы

С точки зрения правовой действительности нашей страны, важно отметить, что Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) в некоторой степени продвинулась в вопросе правовой регламентации дистанционного труда. Так, Указом Главы ДНР № 84 от 14 апреля 2020 года утверждён «Порядок организации дистанционного режима исполнения работниками трудовых обязанностей на территории Донецкой Народной Республики» [12] Данный подзаконный акт определяет, что дистанционный режим работы подразумевает временное исполнение трудовых обязанностей вне рабочего места». При этом акцентируется внимание на использовании информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования как обязательного условия ведения такой формы деятельности работника.

Анализируя упомянутый документ, важно обратить внимание на временный характер правовой регламентации дистанционного труда. В ДНР это рассматривается, как вынужденная мера в рамках исполнения Закона ДНР «О режиме повышенной готовности». В этом заключается принципиальное отличие от поправок в российском законодательстве.

Далее следует отметить, что согласно п.1. упомянутого Указа, введение дистанционного труда на период действия режима повышенной готовности не является изменением существенных условий трудового договора, что противоречит ст. 32, 36 и 44 КЗоТ Украины [13], согласно которым введение дистанционного режима является изменением существенных условий трудового договора. Безусловно, этот факт является пробелом в действующем законодательстве и требует скорейшего рассмотрения.

Выводы исследования. Резюмируя итоги проведенной работы, необходимо отметить неравнозначное правовое регулирование дистанционного труда. Если в Российской Федерации удалённая работа приобретает полноценную форму занятости, то с точки зрения ДНР дистанционный труд является временным явлением, для которого не проработаны детали заключения и расторжения трудового договора, не оговорены условия обеспечения охраны труда, режим рабочего времени, времени отдыха и т.д. Опираясь на результаты проведенной работы, при отсутствии кодифицированного источника трудового права республиканского образца необходимо отметить необходимость разработки Закона ДНР «О дистанционном труде», который бы учёл вышеупомянутые юридические особенности организации дистанционного труда. В перспективе данный закон может войти в разрабатываемый Трудовой кодекс

ДНР, что позволит оптимизировать законодательное регулирование трудовых правоотношений в ДНР.

Список использованной литературы:

1. Алиев И.М. Экономика труда: учебник / И.М. Алиев, Н.А. Горелов, Л.О. Ильина. – 2-е изд., пер. и доп. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 478 с.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учебник / Б.М. Генкин. – М.: Норма, 2013. – 464 с.
3. Луданик М.В. Дистанционная занятость на российском рынке труда: формирование, развитие и механизмы регулирования: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Луданик М.В. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 28 с.
4. Мартынова О.В. Удаленная занятость в России и перспективы ее развития / О.В. Мартынова // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 542-545.
5. Орлов В.Б. Менеджмент удалённого рабочего места: монография / В.Б. Орлов, Е.И. Бураншина. – Ханты-Мансийск. – 2015. – 230 с.
6. Парягина О.А. Дистанционный труд: особенности и проблемы правового регулирования / О.А. Парягина, Е.В. Барнакова // ГлаголЪ правосудия. – 2017. – № 2 (14). – С. 45-47.
7. Конобевцев Ф. Д. Удаленная работа: технологии и опыт организации / Ф.Д. Конобевцев, Н.И. Лаас // Вестник ГУУ. – 2019. – № 7. – С. 50-52
8. Convention No. 177 of International Labour Organization (1996a), concerning Home Work [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:> (дата обращения: 29.09.2020)
9. Recommendation No. 184 of International Labour Organization (1996b), concerning Home Work [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:> (дата обращения: 29.09.2020)
10. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 3.
11. Воробьев В.В. Трудовое право: курс лекций / В.В. Воробьев. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2015. – 368 с.
12. Порядок организации дистанционного режима исполнения работниками трудовых обязанностей на территории Донецкой Народной Республики: утверждён Указом Главы Донецкой Народной Республики № 84 от 14 апреля 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://denis-pushilin.ru/> (дата обращения: 29.09.2020)
13. Кодекс законов о труде Украины от 10.12.1971 – № 322-VIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/322-08> (дата обращения: 29.09.2020)

УДК 347.97

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАДАЧ И ЦЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

*Похилько Евгения Дмитриевна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка*

E-mail: pokhilko.evgenia@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ проблемных вопросов определения задач и целей гражданского судопроизводства. Дано определение категории «гражданское дело», что не позволяет в полной мере отождествлять ее с категорией «гражданско-правовой спор». Внесены конкретные предложения теоретического и законодательного направления, которые могут быть использованы при формировании собственного Гражданско-процессуального кодекса ДНР.

Abstract. The article analyzes the problematic issues of defining the tasks and goals of civil proceedings. The definition of the category "civil case" is given, which does not allow it to be fully identified with the category "civil dispute". Specific theoretical and legislative proposals have been made that can be used in the formation of the DPR's own Civil procedure code.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, цели, задачи, справедливое, беспристрастное, своевременное, рассмотрение, решение, гражданское дело.

Key words: civil proceedings, goals, objectives, fair, impartial, timely, consideration, decision, civil case.

В условиях функционирования современного общества отношения, связанные с защитой нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов лиц постоянно сталкиваются с рядом проблем, в частности, правового, социального, политического и организационного характера. Для их решения нужно использовать разнообразный арсенал средств и методов, не оставляя без внимания достижения в сфере юридической науки.

Статьей 1 ГПК предусмотрено, что задачей гражданского судопроизводства является справедливое, непредвзятое и своевременное рассмотрение и решение гражданских дел с целью защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства. Следует отметить определенную несогласованность названия ст. 1 ГПК с ее непосредственным содержанием. Так, исследуемая статья называется «задача гражданского судопроизводства», однако задачам посвящена лишь первая составная часть указанной нормы: «задачами гражданского судопроизводства являются справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение и решение гражданских дел» [1].

Далее по тексту статьи речь идет о цели гражданского судопроизводства, которая заключается в «защите нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства». Вполне логично возникает целый ряд вопросов: каким образом задачи гражданского судопроизводства трансформируются в его цель; каким образом задачи соотносятся с целью гражданского судопроизводства; в чем заключается непосредственное содержание задач гражданского судопроизводства; охватывает ли содержание ст. 1 ГПК всю сферу гражданских процессуальных правоотношений, а не только сферу рассмотрения и разрешения гражданских дел искового или приказного производства?

Поиск ответов на указанные вопросы следует начать с толкования понятий «задача» и «цель». В Большом толковом словаре определено, что задача – это заранее определенный, запланированный для выполнения объем работы [2, с. 378]. Цель – это то, к чему кто-то стремится, чего хочет достичь [2, с. 661]. В философском энциклопедическом словаре «цель» толкуется как осознанное предвидение желаемого результата деятельности, которое предопределяет поиск средств и путей его достижения [3, с. 371].

Так, по этому поводу А.С. Захарова отмечает, что отождествление цели и задачи судопроизводства в определенной степени продуцируется проблемами толкования этих слов специалистами-исследователями синонимических рядов. С другой стороны, исследователи права не могут делать выводы без учета общеизвестных объективных законов поведения и деятельности человека и социума в целом, соотношение понятий «цель», «задача» в общепризнанных и устоявшихся философских исследованиях [4, с. 11].

Отстаивая свою позицию, А.С. Захарова отмечает, что, несмотря на новаторский подход в определении цели судопроизводства и общедемократических средств достижения этой цели, надо признать, что законодатель неудачно применил в ст. 1 ГПК для определения средств достижения цели гражданского судопроизводства слово «задача», которое не отражает правовой сущности этого явления, а с другой стороны - противоречит языковым, формально-логическим правилам о способах обозначения понятий и категорий.

По нашему мнению, вопрос относительно выяснения содержания задач гражданского судопроизводства и определения их места требует кардинального пересмотра по следующим причинам. Если законодатель решил назвать статью 1 ГПК «задача гражданского судопроизводства», то именно в данном контексте должно отражаться ее содержание. Действительно, задачи гражданского судопроизводства, на первый взгляд, определены правильно: «справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение и решение гражданских дел». Дальнейшее указание цели гражданского судопроизводства приводит к ее фактическому дублированию содержания ч. 1 ст. 3 ГПК «Каждое лицо имеет право в порядке, установленном этим Кодексом, обратиться в суд за защитой своих нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов» и ст. 4 ГПК «Осуществляя правосудие, суд защищает права, свободы и интересы физических лиц, права и интересы юридических лиц, государственные и общественные интересы способом, определенным законами».

С целью устранения имеющегося правового противоречия законодателю достаточно было бы ограничиться исключительно перечислением задач гражданского судопроизводства в виде «справедливого, беспристрастного и своевременного рассмотрения гражданских дел». Указанные задачи должны выступать императивными ориентирами в деятельности судей. В части обеспечения своевременного рассмотрения гражданских дел выполнение указанных ориентиров должно обеспечиваться, в том числе и лицами, участвующими в деле.

Как отмечает А.С. Захарова, несмотря на оценочный характер вышеприведенных категорий, их понимание не должно вызывать проблем. Указанные условия судопроизводства изложены в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5], и они неоднократно применялись Европейским судом по правам человека.

Так, рассмотрим подробнее задачи судопроизводства. Справедливость – это одна из важнейших основ права, является решающей в определении его как регулятора общественных отношений, одним из общечеловеческих измерений права. Обычно справедливость рассматривают как свойство права, выраженное, в частности, в равном юридическом масштабе поведения и в пропорциональности юридической ответственности совершенному правонарушению. Считаю, что указанное толкование категории «справедливость» является наиболее удачным в правовом смысле, а потому, практическое применение данной основы права в процессе рассмотрения гражданских дел напрямую будет зависеть от осознания судьей или их способности осознать непосредственный смысл, дух и наполнение этого философско-правового явления.

Следующей задачей гражданского судопроизводства является беспристрастное рассмотрение гражданских дел. Согласно Большому толковому словарю, слово «беспристрастный» толкуется как такое, что не имеет обманного, негативного, заранее сложившегося мнения, предубеждения против кого-, чего - либо.

Авторы научно-практического анализа ГПК беспристрастность рассматривают сквозь призму предвзятости, под которой понимают заранее необещанное или и обещанное предоставление преимущества одному из участников процесса. Процессуальное проявление предвзятости суда при рассмотрении дела, по их мнению, может заключаться в необеспечении истцу или ответчику равных процессуальных возможностей и шансов или в оттягивании решения дела, непринятии во внимание нормы закона или договора, невыгодного для одной из сторон [6, с. 68]. К большому сожалению, судьи часто прибегают к действиям, связанным с их предвзятым отношением к одной из сторон гражданского процесса. Например, судья во время допроса свидетелей безосновательно снимает вопрос, тем самым убавляя лицо, которое их ставит, возможности получить объективную информацию по поводу действительных обстоятельств дела; безосновательно отказывает в назначении судебной экспертизы; осуществляет одностороннюю оценку представленных сторонами по гражданскому делу доказательств. Следует признать, что беспристрастное

рассмотрение значительного количества гражданских дел на практике остается «процессуальным мифом-задачей», и обеспечение возможности реализации указанной задачи зависит исключительно от сознания самого судьи. Указанный тезис подтверждается закрепленной в ст. 8 Кодекса судейской этики Донецкой Народной Республики обязанностью: «судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса» [7].

Самой сложной задачей в деятельности судьи остается обеспечение своевременного рассмотрения гражданских дел. В ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что каждый имеет право на рассмотрение его дела в течение разумного срока. Так, обращаясь в суд, лицо имеет целью в максимально короткие сроки защитить нарушенные, непризнанные или оспариваемые права, свободы или интересы, а также восстановить положение, существовавшее до их нарушения. Препятствиями в достижении такой цели могут быть объективные и субъективные факторы: – извечная проблема загруженности судей. Указанная проблема не дает возможности судьям гарантировать соблюдение закрепленных в ст. 157 ГПК сроков рассмотрения гражданских дел и положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Проблема загруженности судей возникает, в первую очередь, из-за злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами. Такие злоупотребления могут заключаться в подаче жалоб на судебное решение, которое не подлежит обжалованию; подаче ходатайств для решения вопроса, который уже было решен судом; заявления очевидно безосновательного отвода или совершении других аналогичных действий, которые направлены на безосновательное затягивание рассмотрения дела, безосновательное уклонение от явки в суд участников процесса, что влечет за собой отложение рассмотрения гражданского дела.

Один из путей предупреждения указанных нарушений и борьбы с ними может заключаться во введении штрафа как меры процессуального принуждения. Данная мера не только будет иметь целью обеспечение реализации карательной функции суда, но и будет побуждать и дисциплинировать участников гражданского процесса надлежащим образом выполнять возложенные на них гражданским процессуальным законодательством обязанности. Вводя данную меру процессуального принуждения, законодатель должен учитывать главную задачу, которая заключается в выборе «золотой середины» между карательной и предупредительной функциями данного мероприятия – несовершенство гражданского процессуального законодательства в части обеспечения своевременного рассмотрения дела.

Указанное обстоятельство проявляется в следующем. В соответствии со статьей 38 ГПК, сторона, третье лицо, лицо, которое в соответствии с законом защищает права, свободы или интересы других лиц, а также заявители и другие заинтересованные лица по делам отдельного производства (кроме дел об усыновлении) могут принимать участие в гражданском деле лично или через представителя. Количество представителей или адвокатов, которые

одновременно могут представлять лицо в суде, а также порядок их замены в процессе рассмотрения дела гражданским процессуальным законодательством не регламентировано. Это приводит к тому, что лица, участвующие в деле, имеют законные возможности каждый раз поручать представлять их интересы новому представителю или адвокату во время проведения очередного судебного заседания. В такой ситуации суд находится в крайне невыгодном для него положении. Отказать в предоставлении представителю или адвокату времени для ознакомления с материалами дела и подготовки к судебному заседанию суд не имеет права. В свою очередь, предоставление срока для совершения им ознакомительных действий автоматически приводит к затягиванию рассмотрения гражданского дела. Этот пример показывает практическую возможность лица, участвующего в деле, злоупотреблять своими процессуальными правами путем использования несовершенства гражданского процессуального законодательства.

С целью правильного определения задач гражданского судопроизводства необходимо отдельно остановиться на анализе такого гражданского процессуального явления, как «гражданское дело». Отметим тот факт, что в соответствии со ст. 1 ГПК, задача гражданского судопроизводства заключается в рассмотрении и решении именно гражданских дел, а не самого спора. В связи с этим, сложно согласиться с мнением С. А. Короеда, который «рассмотрение и решение гражданского дела» отождествляет с «рассмотрением и решением спора, то есть устранение правового конфликта» [8, с. 145].

Один из пробелов ГПК заключается в отсутствии законодательного определения такого наиболее применяемого процессуального понятия, как «гражданское дело». В Большом юридическом словаре под «гражданским делом» понимается любое дело, рассматриваемое в суде в порядке, предусмотренном гражданско-процессуальным законодательством [9, с. 677]. По нашему мнению, указанное определение является наиболее удачным в юридическом смысле и выходит за пределы сформулированных в ст. 1 ГПК «задач гражданского судопроизводства».

Отсутствие законодательного определения категории «гражданское дело» не позволяет в полной мере отождествлять ее с категорией «гражданско-правовой спор». Например, в ст. 234 ГПК содержится законодательное определение категории «отдельное производство», под которым следует понимать вид неискового гражданского судопроизводства, в порядке которого рассматриваются гражданские дела о подтверждении наличия или отсутствия юридических фактов, имеющих значение для охраны прав и интересов лица или создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав.

Проводя параллели между ст. 1 и ст. 234 ГПК, отметим, что в каждой из этих норм упоминается категория «гражданское дело». Если в ст. 1 ГПК рассмотрение и разрешение гражданских дел коррелируется с защитой нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства, то ст. 234 ГПК предусматривает рассмотрение гражданских дел для подтверждения

наличия или отсутствия юридических фактов, имеющих значение для охраны прав и интересов лица или создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав. В данной норме прослеживается совершенно иное назначение гражданского судопроизводства.

Указанное в очередной раз подтверждает ошибочность позиции тех ученых, которые пытаются отождествлять категории «гражданское дело» и «гражданско-правовой спор». По нашему мнению, категория «гражданское дело» является обобщающим для всех видов гражданского судопроизводства независимо от документа (исковое заявление, заявление, заявление о выдаче судебного приказа), обуславливая формирование и реализацию процессно-образующей функции процессуальных юридических фактов в гражданском судопроизводстве.

В завершение рассмотрения дискуссионных и проблемных аспектов определения задач и целей гражданского судопроизводства, следует остановиться на вопросе о целесообразности упорядочения норм ГПК в контексте исследуемой проблематики. По нашему мнению, ст. 1 действующего ГПК должна иметь название «Законодательство о гражданском судопроизводстве», ведь данная норма является своеобразным «маяком» и руководящим положением для всей сферы гражданского судопроизводства.

Как уже было выше рассмотрено, в соответствии со ст. 1 ГПК, одной из задач гражданского судопроизводства является своевременное рассмотрение и решение гражданских дел. Статьей 157 ГПК определены временные пределы своевременного рассмотрения гражданских дел, которые, по сути, являются правилами гражданского судопроизводства. Упоминание о том, что гражданское судопроизводство осуществляется, в частности, в соответствии с ГПК, содержится лишь в ст. 2 данного Кодекса. Такое размещение норм в действующем ГПК не соответствует общим требованиям юридической логики. Данный факт нужно учитывать при формировании собственного Гражданско-процессуального кодекса ДНР.

Таким образом, в результате исследования проблемных вопросов, связанных с определением задач и цели гражданского судопроизводства, стоит внести конкретные предложения теоретического и законодательного направления. К задачам гражданского судопроизводства предлагается относить справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение гражданских дел. В свою очередь, цель гражданского судопроизводства должна заключаться в эффективной защите нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства или общественных интересов.

Предложение законодательного характера заключается в изменении очередности размещения правовых норм в ГПК, что следует учесть при формировании собственного Гражданско-процессуального кодекса ДНР.

Список использованной литературы:

1. Гражданско-процессуальный кодекс Украины № 1618-IV от 18.03.2004 // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 40. – Ст. 492.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2014. – 1728 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – К.: Абрис, 2002. – 742 с.
4. Захарова А.С. Задачи гражданского судопроизводства. Некоторые теоретические проблемы / А.С. Захарова // Адвокат. – 2009. – № 11. – С. 10-13.
5. Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=276:1&c__=&Itemid=&lang=ru (дата обращения: 28.09.2020)
6. Мохов А.А. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России / А.А. Мохов, И.В. Воронцова, С.Ю. Семёнова. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. – 280 с.
7. Кодекс судейской этики Донецкой Народной Республики: утвержден Приказом Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 2 мая 2018 года № 51-од [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/prikaz/ob-utverzhdenii-kodeksa-sudeyskoj-etiki> (дата обращения: 28.09.2020)
8. Короед С.А. Усиление правового конфликта как основная задача гражданского судопроизводства и критерий оценки его эффективности / С.А. Короед // Проблемы юриспруденции: теория, практика, общественный опыт: сборник материалов Международной юридической научно-практической конференции «Актуальная юриспруденция» (г. Киев, 8 октября 2013 г.). Тезисы научных докладов. – К., 2013. – С. 143-147.
9. Большой юридический словарь / Авт.-сост. В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др.; под ред. А.Я Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 2003. – 704 с.

УДК 342.9

**ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Филь Елена Олеговна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

E-mail: elena_fil_130586@mail.ru

Аннотация: настоящая статья направлена на освещение особенностей привлечения к административной ответственности в Донецкой Народной Республике. Отражены понятия административной ответственности и оснований привлечения к административной ответственности, акцентируя внимание на нормативном основании. Проанализированы основные нормативно-правовые акты ДНР в сфере привлечения к административной ответственности, выявлены существенные пробелы законодательства и отмечены особенности регулирования общественных отношений в данной сфере. Отражена необходимость модернизации действующего законодательства и приведения его в соответствие.

Abstract: This article is aimed at highlighting the features of bringing to administrative responsibility in the Donetsk People's Republic. The concepts of administrative responsibility and grounds for bringing to administrative responsibility are reflected, focusing on the regulatory basis. The main normative legal acts of the DPR in the sphere of bringing to administrative responsibility are analyzed, significant gaps in legislation are identified, and the peculiarities of regulating public relations in this area are noted. It reflects the need to modernize the current legislation and bring it into compliance.

Ключевые слова: административная ответственность, основания, полномочия, принцип разделения властей, компетенция, ограничение свободы, противоречия.

Key words: administrative responsibility, grounds, powers, principle of separation of powers, competence, restriction of freedom, contradictions.

Несмотря на то, что законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в настоящее время находится в активной фазе своего формирования, продолжает оставаться много как спорных, так и вообще нерегулируемых вопросов в сфере привлечения к административной ответственности.

Не только понятие административной ответственности, но и ее содержание и объем по настоящее время остаются весьма спорным вопросом административно-правовой науки.

В связи с тем, что действующее законодательство не дает определения понятия административной ответственности, в теории административного права существует много точек зрения на этот социально-правовой феномен.

Так, согласно Постановлению Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014 года «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», на территории ДНР продолжает действовать Кодекс Украины об административных правонарушениях [1]. Ст. 9 раздела «Административное правонарушение и административная ответственность» кодекса формулирует определение административного правонарушения. Однако при раскрытии понятия административной ответственности, законодатель ограничился лишь указанием, что она возникает, если деяния лица не подпадают под признаки уголовного преступления и не влекут уголовной ответственности [2].

Юридическая энциклопедия в статье «административная ответственность», подобно Административному кодексу, ограничивается в этом отношении лишь констатацией того, что административная ответственность – это вид юридической ответственности граждан и должностных лиц за совершенные ими административные правонарушения [3].

Из вышесказанного следует, что все определения административной ответственности имеют только научно-исследовательский характер.

Ученые рассматривают понятие административной ответственности с разных подходов, среди которых: административная ответственность как институт административного права, как форма обеспечения мер принуждения (взыскания), как вид юридической ответственности, как эффективное средство предупреждения правонарушений и обеспечения верховенства права, как определенное состояние общественных отношений, возникающих в результате нарушения закона.

Прежде чем поднимать вопрос о порядке привлечения лиц к административной ответственности, следует отметить, что в теории административного права нет единого мнения по проблеме определения оснований административной ответственности. Некоторые специалисты под основаниями юридической ответственности понимают наличие в действиях лица состава правонарушения, другие причинами считают противоправное деяние, совершение административного правонарушения [4].

Основываясь на мнении ученых-административистов, признающих основаниями административной ответственности административное правонарушение (проступок), понятие, признаки и состав которого закреплены в административном законодательстве, рассмотрим, прежде всего, основания привлечения к административной ответственности.

В административной науке принято выделять три основания административной ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное. Важно помнить, что для привлечения к административной ответственности необходимо, чтобы все три основания, и именно в таком порядке, имели место.

Нормативное основание – это систематизированная совокупность норм, устанавливающих составы административных проступков, систему административных взысканий; круг субъектов, наделенных правом применять административные взыскания и процедуру привлечения к административной ответственности.

Фактическим основанием административной ответственности является административный проступок, определение которого закреплено в статье 9 КоАП. В соответствии с данной статьей, административный проступок – это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный порядок, собственность, свободы и права граждан, на установленный порядок управления, за которое предусмотрена административная ответственность [2]. Цели уделять отдельное внимание признакам и составу правонарушения в данном исследовании нет. Мы считаем, что данное основание при соблюдении процедуры привлечения лиц к административной ответственности в ДНР не создает никаких особых разногласий и коллизий. Оно рассматривается практиками, основываясь на общетеоретических понятиях науки административного права.

Процессуальным основанием административной ответственности является акт компетентного органа о наложении конкретного административного взыскания за конкретный административный проступок на конкретное виновное лицо.

Основным нормативным актом об административной ответственности является КоАП. Однако, Постановлением Совета Министров от 27.02.2015 года № 2-22 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» были внесены коррективы и изменения в отраженный в КоАП порядок привлечения к административной ответственности.

В первую очередь, сотрудники Госавтоинспекции МВД ДНР при составлении протокола об административном правонарушении в отношении водителя, совершившего нарушения правил дорожного движения, получили право временно изымать удостоверение водителя до исполнения решения по делу об административном правонарушении. Удостоверение изымается не более чем на 3 месяца с момента такого изъятия, при этом сотрудник Госавтоинспекции МВД ДНР обязан выдать временное разрешение на право управления транспортными средствами. В протоколе об административном правонарушении делается отметка о временном изъятии удостоверения водителя [5].

Хотя ранее, согласно ст. 265-1 КоАП, сотрудник Государственной автомобильной инспекции имел право временно изъять удостоверение водителя в случае наличия оснований считать, что водителем совершено нарушение, за которое может быть наложено административное взыскание в виде лишения права управления транспортным средством [2].

Таким образом, ранее при украинской власти изъятие водительского удостоверения у водителя происходило не в каждом случае совершения правонарушения в отличие от теперешнего времени.

По мнению руководства ГАИ МВД ДНР, именно поэтому исполнялось не более 25% постановлений о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений на транспорте. Что касается ДНР, то доля исполняемости постановлений о привлечении к административной ответственности в этой сфере составляет более 90%. Это говорит о том, что изъятие водительских удостоверений дисциплинирует водителей [6].

Кроме того, Постановление Совета Министров от 27.02.2015 года № 2-22 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» закрепило возможность рассматривать дела об административных правонарушениях и принимать решения по ним органам, в компетенцию которых ранее это не входило.

В частности, право рассмотрения дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена в Главе 10 КоАП (административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения) предоставлено начальникам, заместителям начальников подразделений ГАИ УГАИ МВД ДНР или лицам, исполняющим их обязанности; право рассмотрения дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 188-16 КоАП, – Главному государственному инспектору по пожарному надзору МЧС Донецкой Народной Республики, главным государственными инспекторам городов, районов, районов в городах и т.д. [5].

Таким образом, предоставлено право рассмотрения многих категорий дел об административных правонарушениях, рассмотрение которых ранее было отнесено к компетенции судов, другим должностным лицам исполнительных органов власти ДНР. В первоначальной редакции Временного порядка это объяснялось несформированностью судебной системы ДНР, но сейчас в последней редакции документа отмечено, что рассмотрение категории административных правонарушений на транспорте и в области дорожного движения предоставлено начальникам подразделений ГАИ УГАИ МВД ДНР до начала функционирования единой межведомственной информационно-поисковой системы административной практики. Сложившаяся ситуация приводит к дисбалансу в реализации принципа разделения властей.

Что касается применения административного наказания в виде штрафа, то вышеуказанное постановление внесло ясность и установило, что до установления необлагаемого налогом минимума доходов граждан на территории Донецкой Народной Республики, при наложении административного взыскания в виде штрафа, под необлагаемым налогом минимумом доходов граждан следует понимать сумму 34 российских рубля. Также, Постановлением установлена предельная сумма, при которой хищение чужого имущества в ст. 51 КоАП признается мелким, а именно, если стоимость имущества не превышает 1 500 российских рублей [5].

Еще одним нормативным основанием привлечения к административной ответственности на территории ДНР является Постановление Совета Министров ДНР от 28 августа 2014 года № 31-2 «Об утверждении Временного положения о порядке задержаний и арестов граждан». Данное постановление раскрывает некоторые вопросы привлечения к административной ответственности в части применения такой меры административного принуждения как административное задержание и вида административного наказания как административный арест [7]. Поскольку механизм реализации права граждан на свободу является одним из признаков демократического государства, каковым является ДНР согласно Конституции, нельзя обойти стороной этот вопрос.

Данное Постановление продолжает действовать на территории ДНР даже несмотря на то, что с принятием Уголовно-процессуального кодекса ДНР (пункт 4 Заключительных и переходных положений УПК), это Постановление утратило силу [8]. Причем, утратило силу не только в части принятия решений относительно меры пресечения в виде заключения под стражу, т.е. тех вопросов, которые урегулированные нормами нового УПК по уголовным делам, но полностью все Постановление.

Другими словами, вопросы порядка привлечения лиц к административной ответственности и, в частности, порядка применения административных арестов и задержаний снова должны регулироваться Кодексом об административных правонарушениях Украины. Но на практике данные вопросы решаются также как и до принятия УПК, т.е. согласно положениям Постановления Совета Министров ДНР от 28 августа 2014 года № 31-2 «Об утверждении Временного положения о порядке задержаний и арестов граждан».

Указанное Временное положение в вопросах реализации законного, предоставленного Конституцией права на свободу, производит резонанс.

Итак, согласно вышеуказанному Временному положению, административное задержание – это кратковременное ограничение свободы физического лица, совершившего административное правонарушение (неповиновение законным требованиям сотрудника правоохранительных органов, мелкое хулиганство и др.). Применяться административное задержание может в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения своевременного и надлежащего рассмотрения дела об административном правонарушении, либо исполнения решения по делу об административном правонарушении.

Кроме того, Положение устанавливает исчерпывающий перечень органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание, а именно:

1. Должностные лица органов внутренних дел (полиции);
2. Должностные лица органов военной полиции – в случае выявления дисциплинарных проступков и административных правонарушений, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики;
3. Должностные лица органов государственной безопасности – в случае выявления административных правонарушений, предусмотренных Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 08.08.2014 года № 34 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности».

Об административном задержании военнослужащего незамедлительно уведомляется военная полиция Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики или воинская часть, в которой задержанный проходит военную службу, а об административном задержании сотрудника органов внутренних дел или органов государственной безопасности – орган или учреждение, в которых задержанный проходит военную службу.

Административное задержание прокурорских работников прокуратуры ДНР не допускается, что дублируется частью 2 статьи 56 Закона ДНР «О

прокуратуре Донецкой Народной Республики» [7].

Что касается сроков и порядка оформления протокола об административном задержании, то Временное положение не противоречит и дублирует КоАП, уточняя нюансы. В частности, об административном задержании составляется протокол, в котором указываются место и дата его составления, фамилия, инициалы, а также должность, лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, его фамилия, имя, отчество, причины, место и время задержания. Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его требованию. Протокол об административном задержании подписывается должностным лицом, его составившим, и задержанным лицом. Если задержанное лицо отказывается подписать протокол об административном задержании, в нем делается соответствующая отметка.

Срок административного задержания не должен превышать 3 часов. Если в отношении лица возбуждено дело об административном правонарушении, влекущем административный арест, в качестве одной из мер административного наказания, оно может быть подвергнуто административному задержанию на срок, не превышающий 24 часов. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления в орган или должностному лицу, имеющему право составлять протоколы об административных правонарушениях. Однако, если задержанный находится в состоянии алкогольного опьянения – с момента вытрезвления.

Орган, который произвёл административное задержание на срок более 3 часов, обязан в течение 12 часов направить письменное уведомление об этом первому заместителю председателя Совета Министров Донецкой Народной Республики, курирующему правоохранительные органы, и Генеральному прокурору Донецкой Народной Республики [7].

Другим механизмом ограничения права на свободу является мера административного взыскания за административные правонарушения – административный арест, сущность которого заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества под стражей в специально предусмотренных для этой цели учреждениях органов внутренних дел.

Административный арест – наиболее строгая мера административного наказания и должна применяться только в исключительных случаях, если применение других наказаний не будет достаточным для достижения целей административного производства. Следует отметить, что административный арест предусматривается санкцией статьи как альтернативное взыскание наряду с исправительными работами или штрафом. Это дает возможность компетентному органу или должностному лицу объективно рассмотреть все материалы дела и назначить данное взыскание только в том случае, если его применение будет оправдано.

Применение данного вида административного взыскания в ДНР имеет также свои особенности, отраженные в Постановлении Совета Министров ДНР от 28 августа 2014 года № 31-2 «Об утверждении Временного положения о порядке задержаний и задержаний граждан».

Как было уже отмечено выше, административный арест в ДНР также заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества и устанавливается на срок до 15 суток.

Не может применяться административный арест к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп. Кроме этого, административный арест не может применяться в ДНР в отношении прокуроров органов прокуратуры Донецкой Народной Республики, военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности, а также сотрудников органов внутренних дел, имеющих специальные звания. Они могут подвергаться только административному задержанию, но в дальнейшем в их отношении будет применено административное наказание, несвязанное с ограничением свободы.

В Донецкой Народной Республике предусмотрены случаи, когда административный арест назначается на больший срок – до 30 суток. Временное положение указывает на эти случаи, а именно: за нарушение установленного порядка организации или проведения демонстрации, митинга, собрания, шествия или пикета, либо организацию действий, повлекших нарушение общественного порядка массового одновременного пребывания или передвижения граждан в общественных местах, за совершение действий нарушающих, а также провоцирующих нарушение общественного порядка и спокойствия граждан, в том числе за распространение заведомо ложных сведений или слухов, за нарушение требований режима военного положения, а также активное воспрепятствование осуществлению гражданами и должностными лицами их законных прав и обязанностей, злостное неподчинение законному требованию или распоряжению сотрудника органов внутренних дел, полицейского или других лиц, выполняющих служебные обязанности по охране общественного порядка, или иным лицам, выполняющим общественный долг.

Несмотря на то, что в соответствии со статьей 15 Конституции ДНР, арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть задержано на срок более 48 часов [9], а также несмотря на то, что согласно КоАП, административный арест лиц, совершивших административное правонарушение, назначается судебными органами, в ДНР административный арест назначается Министрами внутренних дел, государственной безопасности и их заместителями, а также начальниками органов внутренних дел и их заместителями по оперативной работе, допущенными к данной деятельности специальными приказами по МВД и МГБ.

Категории должностных лиц органов исполнительной власти, которым были представлены полномочия по ограничению лиц в их законном праве на свободу, обозначены тем же Постановлением Совета Министров ДНР от 28 августа 2014 года № 31-2 «Об утверждении Временного положения о порядке задержаний и арестов граждан», которое, как уже отмечалось выше, утратило силу с принятием Уголовно-процессуального кодекса ДНР.

Орган, который произвёл административный арест, обязан в течение 12 часов направить письменное уведомление об этом первому заместителю

Председателя Совета Министров Донецкой Народной Республики, курирующему правоохранительные структуры, а постановление об административном аресте подлежит согласованию с прокурором [7].

Другие положения КоАП в ДНР о процедуре наложения административных взысканий и сроках принятия решений остаются неизменными.

Подводя итоги изучения некоторых особенностей привлечения к административной ответственности в ДНР, следует отметить, что действующий КоАП был принят в 1984 году и с тех пор в него было внесено множество изменений с учетом изменения и развития общественных отношений. Еще до 2014 года, до образования Донецкой Народной Республики, ученые теоретики и практики-административисты единогласно высказывались о необходимости принятия нового Кодекса об административных правонарушениях. А сейчас, в реалиях формирования нового государства ДНР и своей законодательной базы, вопрос принятия Кодекса ДНР об административных правонарушениях не вызывает сомнений. Более того, это позволит законодателю привести в соответствие нормы Конституции ДНР и временно принятых Положений и Порядков с кодифицированным актом об административных правонарушениях, а также стабилизировать равновесие в одном из таких важнейших признаков правового государства как разделение властей, вернув к компетенции судебных органов рассмотрение и принятие решения по большинству дел об административных правонарушениях.

Список использованной литературы:

1. Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/> (дата обращения: 01.10.2020)
2. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8074-10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10/ed20131116#Text> (дата обращения: 01.10.2020)
3. Юридическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studentbooks.com.ua/content/view/65/40/1/28/#113034> (дата обращения: 01.10.2020)
4. Семёновых К.С. Понятие административной ответственности / К.С. Семёновых, С.А. Рузметов // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 154-157 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/289/65402/> (дата обращения: 01.10.2020)
5. Постановление Совета Министров ДНР №2-22 от 27.02.2015 года «О временном порядке применения на территории ДНР Кодекса Украины «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://supcourt-dnr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-vremennom-poryadke> (дата обращения: 01.10.2020)

6. В профильном комитете обсудили процедуру изъятия водительских удостоверений в случае нарушения ПДД // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/v-profilnom-komitete-obsudili-protседuru-izyatiya-voditelskih-udostoverenij-v-sluchae-narusheniya-pdd/> (дата обращения: 01.10.2020)

7. Постановление Совета Министров ДНР от 28 августа 2014 года № 31-2 «Об утверждении Временного положения о порядке задержаний и арестов граждан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-31-2-20140828/> (дата обращения: 01.10.2020)

8. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР, принят Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony /ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 01.10.2020)

9. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/konstitutsiya-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 01.10.2020)

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 10 / 2020

Подписано в печать 15.10.2020

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор: Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке
ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

Е-mail: donagra@yandex.ua

Сайт: <http://donagra.ru>

